

Золотой хлѣбъ.

Зыла у старухи-вдовы дочка. Хоть собой дѣвушка была красавица-писаная, за то горда, на богатство да на почести завистлива и безжалостна,—точно бѣдности никогда ей и близко видѣть не приходилось. Хоть жили онѣ съ матерью въ плохихъ достаткахъ, а женихи у дѣвушки изъ-за ея красоты не переводились. Только по нраву ей ни одинъ не пришелся: этотъ собой нехорошъ, этотъ небогатъ, тотъ неумень, а тотъ и всѣмъ бы взялъ—да изъ мужицкаго рода. Точно сама—не крестьянка была.

Лежить разъ ночью старуха, не спится ей; смотреть, дочка чего то такъ весело во снѣ улыбается. На утро мать и спрашиваетъ ее: «Что это ты, дочка, нынче во снѣ улыбалась? Видно, сонъ веселый видѣла?» А та ей: «Хорошій, матушка, сонъ мнѣ приснился: будто, пріѣхалъ къ намъ въ мѣдной каретѣ чужестранный бояринъ, подарилъ мнѣ серьги съ самоцвѣтными камнями и взялъ за себя замужъ. А какъ въ церкви мы съ нимъ вѣнчались, народъ только и смотрѣлъ, что на образа да на меня.»—«Охъ, много въ тебѣ гордости, дочка,»—говоритъ старуха.

Въ самый тотъ день пріѣхалъ свататься къ дѣвушкѣ добрый молодецъ, богатаго мельника сынъ, и говоритъ ей: «Хочешь, красавица, со мной жить, мой крестьянскій хлѣбъ ѣсть.» А она ему: «Не за всякаго боярина пойду, не то, что за тебя, сиволапаго!»

На другую ночь приснился дѣвушкѣ сонъ, будто пріѣхалъ къ нимъ чужеземный князь въ серебряной каретѣ, подарилъ ей драгоцѣнное ожерелье да платье изъ серебряной парчи и взялъ

за себя замужъ. А въ церкви народъ, будто, больше на нее оборачивался, чѣмъ на образа смотрѣлъ.

И вправду, посватался за нее въ тотъ же день молодой бояринъ.—«Полюбилась,—говоритъ онъ старухѣ,—миѣ твоя дочка. Хочу, чтобы была моею женою.» А дѣвушка ему: «Меня князь съ охотою замужъ бы взялъ, да и то я еще подумаю.»

На третье утро рассказала дѣвушка матери, что снился ей сонъ, будто пріѣхалъ къ нимъ въ золотой каретѣ чужеземный королевичъ, подарилъ ей весь уборъ изъ золота съ жемчугами да золотое платье, и взялъ ее замужъ. А въ церкви, будто, народъ все время только на нее и смотрѣлъ. «Охъ, дитятко,—говоритъ старуха,—сколько въ тебѣ гордости. Да и жемчугъ во снѣ видѣть—не къ добру, къ слезамъ.»

Только успѣла это старуха вымолвить, подѣзжаютъ къ ихъ избышкѣ три кареты: одна золотая—шестерикомъ, другая серебряная—четверикомъ, а третья мѣдная—парою вороныхъ коней запряжены. Изъ каретъ вышелъ чужеземный молодой королевичъ съ двумя своими боярами и вошелъ въ избышку.—«Здравствуй, дѣвица,—говоритъ королевичъ;—и до меня дошла вѣсть о твоей красотѣ. Хочешь выйти за меня замужъ, со мною въ моемъ королевствѣ жить, мой королевскій золотой хлѣбъ ѣсть?» И подаль дѣвицѣ весь уборъ изъ дорогихъ камней и платье золотой парчи. Хотѣла было мать спросить жениха, изъ какого государства онъ королевичъ и почему онъ свой хлѣбъ золотымъ называетъ,—дочка ей и слова вымолвить не дала. «Согласна,—говоритъ,—за тебя замужъ выйти и твой хлѣбъ ѣсть, каковъ-бы онъ ни былъ.» Сѣла съ королевичемъ въ золотую карету, даже у матери благословенья не попросила, не простилась со старухой,—и поѣхали.

Подхватили карету вороные кони; помчали—только пыль столбомъ. Ничего кругомъ не видно, тьмакрошная. И чудится дѣвицѣ, будто, карета куда-то все внизъ да внизъ спускается, а кругомъ, будто, огоньки малые мелькаютъ. «Куда это мы ѣдемъ, суженный?»—спрашиваетъ она жениха. А тотъ смѣется: «Не бойся,—говоритъ,—сейчасъ пріѣдемъ.» Остановилась карета на широкой полянѣ, вышла дѣвица и видитъ: стоитъ передъ ней дворецъ—

весь изъ чистаго золота, съ серебряной крышей, въ окошкахъ, вмѣсто стеколъ, самоцвѣтные камни вставлены—какъ жаръ горятъ, все вокругъ освѣщаютъ, а кругомъ, будто, костры пылаютъ, котлы кипятъ, стонъ, крикъ и вопли слышатся.

«Здравствуй, дѣвица!»—говоритъ королевичъ.

Вошла дѣвица съ женихомъ въ золотыя палаты. Посреди большой комнаты столъ накрытъ, на немъ золотыя блюда съ крышками наставлены. «Садись, красавица,—говоритъ женихъ,—моего хлѣба-соли отвѣдай.» Сѣли за столъ: блюда сами открываются, одно за однимъ къ нимъ пододвигаются. Смотритъ дѣвица: на одномъ блюдѣ все золото, на другомъ серебро кусками, на третьемъ—камни самоцвѣтные насыпаны; а женихъ ея—ужь не красавецъ-королевичъ: у него рога выросли, весь шерстью обросъ, ноги конскія, на рукахъ когти желѣзные, и ѣсть онъ золото, какъ

хлѣбъ, самошвѣтными камнями закусываетъ, на дѣвицу поглядываетъ да усмѣхается. Поняла она теперь, что къ самому нечистому въ адъ попала и взмолилась. «Выпусти меня,—говорить,—на бѣлый свѣтъ, не хочу я золота, дай кусокъ простаго чернаго хлѣба, не то я съ голоду умру.» А тотъ ей: «Другаго у насъ хлѣба здѣсь нѣтъ, сама ты захотѣла со мной жить, мой золотой хлѣбъ ѣсть. Съ голоду тебѣ умереть нельзя: у насъ здѣсь не умираютъ; будешь ты со мною жить и вѣчно о простомъ людскомъ хлѣбѣ мучиться. А выпускать тебя на вольный бѣлый свѣтъ я буду въ годъ два раза на два часа: передъ великими людскими праздниками, чтобы ты не забыла, какъ люди живутъ, многого не желаютъ, разговѣнью радуются.»

И живетъ съ той поры дѣвица у нечистаго—только на золото да на самошвѣтные камни смотреть, да муки грѣшниковъ слышать. Выпускаетъ онъ ее на вольный бѣлый свѣтъ лишь въ ночь подъ Рождество да подъ Свѣтлый Праздникъ, и ходитъ она по землѣ каждый разъ два часа, у православныхъ подъ окнами стучится, куска чернаго хлѣба Христовымъ именемъ просить. А прочее время у нея нѣтъ ничего кромѣ золота—чего ей пуще всего на свѣтѣ хотѣлось, и нѣтъ къ ней жалости, которой у нея самой на землѣ не было.

